

ЧИТАЛЬНЯ
СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

Н. БАЙСУТОВ ДОКУМЕНТАЛ

40/2285/38-39 В СТРАНЕ САМЫХ БОЛЬШИХ

20/11
108

МОРЗОВ

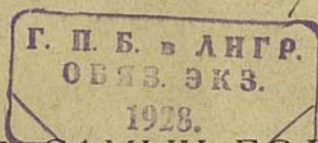
В. И. Ив.

19 РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ 28

Н. БАЙСУТОВ

51.727

ДОКУСФЕРА

В СТРАНЕ САМЫХ БОЛЬШИХ МОРОЗОВ

КАК ЖИВУТ И ЧЕМ
ПРОМЫСЛЯЮТ ЯКУТЫ

Обложка В. БЕРГА

«РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ»

МОСКВА

1 9 2 8

Отпечатано
в 21-й тип. „Мосполиграф“
Москва,
Варварка, Елецкий пер., 7.
Главлит А—26.425.
Тираж 10.000. Зак. 1585.

ЗА ОТЦОМ В ЯКУТИЮ.

Мне было тринадцать лет, когда моего отца отправили в ссылку. Я очень любил его, и тот день, когда в нашу квартиру пришли ночью с обыском жандармы в синих мундирах, казался мне самым тяжелым днем в моей жизни. Я помню, что утром наши комнаты выглядели так, словно ночью в них были воры. Пол был забросан бумагами, книгами и другими вещами. Тетка (мать моя давно умерла и меня воспитывала тетка) говорила, что у отца ничего не нашли, и тем не менее его увели в тюрьму. Через три месяца выяснилось, что отец будет выслан в Якутскую область.

Я тогда же решил, что поеду вместе с отцом в далекую Якутию, самую холодную страну мира. Не скрою, что я казался самому себе маленьким героем, и это еще больше подогревало мое желание последовать за ссыльным отцом.

Больше всего я опасался тогда, что отец не согласится лишить меня хорошей школы и потребует, чтобы я оставался с теткой. В таком страхе я жил до последнего свидания с отцом. Три месяца прошли в постоянных мучениях — согласится ли отец взять меня с собою в ссылку. Я часто видел во сне, как мы вдвоем с ним живем в глухой тайге, в избушке, которую мы выстроили своими руками. Пропитание мы добываем себе с помощью ловушек, в которые попадают куропатки, рябчики и пушные звери.

Я написал отцу о моем желании поехать с ним. Он ответил, что я должен учиться, но и не сказал прямо, что я должен остаться без него в Москве. Для решения своей судьбы я ждал последнего свидания.

Тетка моя с ног сбилась, чтобы успеть собрать на дорогу отцу все необходимое. О моих планах я с ней не говорил. Она, конечно, догадывалась, о чем я мечтаю, и знала, что я написал о моем намерении отцу, но ничего мне не говорила. Чем ближе подходил день разлуки, тем крепче становилось мое намерение.

И вот наступил этот день. Прощаясь, отец бодрился, шутил с теткой и говорил, что он верит в революцию.

— Революция не за горами. Не горюй, Катя. Нам недолго быть в разлуке. Революция нас освободит. Это не ссылка, а путешествие... ДОКУСФЕРА

Тогда я не вытерпел и сказал отцу:

— Ты сам говоришь, что скоро освободишься. Но я не хочу жить без тебя здесь. Позволь и мне отправиться с тобой в Якутию. Я не могу без тебя...

На мои глаза навернулись слезы. И вдруг отец сказал:

— А ты знаешь, Катя. В самом деле, пускай он поедет весной с Анной Петровной, женой одного из моих товарищей по партии...

Тетя Катя находила это неразумным.

— Косте надо учиться, — возразила она.

Но я уже бросился к отцу и кричал:

— Решено, решено. Летом я буду у тебя, папа.

И вот — Ярославский вокзал. Тетя Катя усаживает меня в вагон. Я еду с Анной Петровной, женой папиного товарища. На

вагоне надпись: «Москва—Иркутск». Меня провожают два товарища гимназиста. Они страшно завидуют мне и, может быть, жалеют, что их отцы зимой мирно служат, ДОКУМЕНТАРЬ летом ездят на дачу.

— Повезло тебе, Костюшка, — говорит один из них.

— Что повезло-то? Что отца выслали? Вот так повезло! А впрочем, я и сам думал, что мне выпала удача — отправиться в далекое, трудное путешествие.

Наконец, третий звонок—прощанье, и вагон трогается.

Мы едем на север до Вологды, потом поворачиваем к востоку на Вятку, на Пермь, к Уралу. Через два дня поезд пересекает невысокие Уральские горы.

За Уральскими горами начинается Сибирь. Я помню, что меня поразила широта горизонта и огромное, высокое небо. Западная Сибирь представляет собою плоскую, покатую к Ледовитому морю, равнину.

Свеже вспаханная земля радовала глаз черным цветом. Такой земли под Москвой не увидишь. Там и сям попадались березовые перелески.

Два дня вагон наш катился по бесконечной равнине. Много мостов прогрохотало под колесами нашего поезда, но из них мне запомнились два — над Иртышом, около Омска, и над огромной Обью у Ново-Николаевска, недавно названного Новосибирском. Вскоре за Новосибирском потянулись сибирские огромные леса — тайга. На станциях ребята продавали букеты лесных цветов, из которых мне особенно запомнились ярко-оранжевые огоньки и малиновые лесные пионы.

В начале шестых суток мы проехали над рекой, которая поразила меня еще больше, чем Обь и Иртыш. Река эта катила свои зеленые воды с такой мощью, которая мне навсегда запомнилась. Берегами этой реки служили горы, покрытые лесом.

— Это Енисей, — сказала моя спутница.

За Енисеем пошли леса и горы. А на седьмой день приехали в Иркутск.

От Иркутска до Жигалова (пристань на р. Лене) — на лошадях, с колокольчиками, в плетеном коробке — триста шестьдесят километров.

В Жигалове мы поместились на пароход. На пароходе, носящем имя «Тайга»,

было очень тесно и грязно. Но меня увлекало путешествие по новой, неизвестной мне огромной реке Лене. А, главное, я жил мыслью о предстоящей встрече с отцом. Мы должны были нагнать его в Якутске.

Помню, что от поселка Нохтуйского на пароходе появилось много приземистых, широкоскулых людей с черными глазами, прямыми, черными, волосами, с широкими желтоватыми лицами, без усов и бороды. Люди эти говорили на непонятном мне языке. Это были якуты. Я знал, что мне предстоит жить среди них и близко с ними познакомиться. Я стал к ним приглядываться; но еще больше меня поразило другое обстоятельство—рядом с якутами я видел крестьян, очень похожих на тех, которые живут в России. Но и крестьяне говорили... по-якутски. Потом я узнал, что якуты (очень крепкий народ) оказали и в других отношениях очень сильное влияние на русских переселенцев.

Сплошь чужой говор меня тогда огорчал, потому что я не понимал их разговоров.

Якутская семья.

Лена становилась все более и более мощной рекой. Я любовался ее течением. Особенно же мне запомнились причудливые скалы, называемые «столбами». Они напоминали зубчатые стены, украшенные башнями. «Столбы» тянулись по Лене на несколько десятков верст. Я не уходил с палубы и все время любовался красивыми берегами.

Но вот и Якутск.

Я не стану вам описывать радостную встречу с отцом.

Мы ходили с ним по улицам Якутска и особенно охотно по берегу Лены. На реке стоял целый караван очень больших крытых лодок, на которых обитатели обширной Якутии привезли продукты своих промыслов на ярмарку.

Мне нравилось часами стоять и смотреть на пловучий торг. Торговля на лодках нередко продолжалась чуть ли не круглые сутки, так как в это время темноты в Якутске не бывает.

Отец любил меня водить к старинной крепости. Как сейчас, я помню деревянные стены и боевые башни.

— Этим башням триста лет,— говорил отец.— Это остатки той древней крепости, которую построили русские, завоевавшие Якутскую землю. Покоряя туземцев, русские отсиживались в осаде от туземцев за деревянными стенами.

Но больше всего отец рассказывал мне об якутах. Эти рассказы помогли мне многое подметить и понять в жизни того народа, с которым мне надо было жить.

К ПОЛЮСУ ХОЛОДА ¹⁾.

1. Вниз по Лене.

Отец ожидал решения своей участи. Из-за ДОКУСФЕРА меня ему особенно хотелось остаться в Якутске. Отец хлопотал об оставлении и со дня на день ждал решения нашей судьбы. Однажды он пришел очень грустным.

— Почему ты сегодня невеселый?—спросил я.

— Мне назначают Верхоянск, и я думаю, что тебя следует отправить обратно в Россию...

— Ни за что,—закричал я.— Я очень рад, что мы не останемся в Якутске. Ведь Якутск—это город, только небольшой. А мне хочется жить в лесу, в землянке или в якутской юрте...

Отец засмеялся и сказал:

— Я вижу, что ты не на шутку захотел испытать себя. Поедем. Ну, что ж. И в Верхоянске люди живут. С ближайшим паромом мы отправимся до устья Алдана ²⁾, а оттуда верхом через тайгу на Яну.

---

¹⁾ При составлении брошюры использована книга В. П. Ногина «На полюсе холода».

²⁾ Алдан—это большая река, правый приток Лены. В верхнем течении Алдана в последние годы открыты богатые золотые россыпи, о которых я расскажу в конце моей книжки.

Все мои мысли направлены были на далекое и трудное путешествие.

Отец ходил сильно озабоченным, зато я был весел и все время насвистывал...

ДОКУСФЕРА

— погоди, насвистишься, — говорил мне отец. — Ведь Верхоянск — это полюс холода.

— Что это значит? — спросил я отца.

— А это значит, что Верхоянск самое холодное место на земном шаре.

«Тем интереснее побывать там», — подумал я. Но отцу этого не сказал. Я чувствовал, что отцу тяжело увозить меня из Якутска.

Мы делали последние приготовления. Нам предстоял долгий путь верхом на лошадях по безлюдной тайге.

Мы купили переметные кожаные сумы, наполнили их сухарями и сушеным мясом. По совету якутских знакомых, вместо городских ботинок, мы купили особую якутскую обувь. Для меня отец разорился на покупку сар, обуви из конской кожи, с отворотами, украшенными зеленым сукном. Мои сары мне очень нравились и ходить в них на мягкой подошве было удобно.

Себе же отец купил более дешевую обувь — торбаса. Торбаса (или по-якутски

этербес) делаются из коровьей кожи. Они без толстой подметки и быстро промокают.

Ко дню от'езда все было готово.

На пристани мы увидели пароход, кото-
рому предстоял длинный путь по Лене до северного селения Булуна.

На пароходе было очень тесно. Ехать нам до Булуна, правда, предстояло всего лишь полтора-два верста, но самый от'езд из Якутска у меня остался неприятным воспоминанием.

Почти все пассажиры были пьяны и продолжали пить на пароходе. Дело в том, что в северные районы еще и царское правительство запрещало ввозить водку, так как туземцы-охотники, падкие на вино, нередко дотла разорялись под пьяную руку.

Лена в разлив казалась чуть ли не морем. Река дробилась среди низких островов. Берега выглядели совершенно безлюдными. Ниже Якутска до самого Булуна по Лене нет ни одного значительного селения.

Останавливался пароход у безлюдных берегов. Но на пароходные свистки откуда-то с'езжались люди и выгружали привезенные пароходом товары. На остановках было

чудесно. По островам пестрели яркие цветы. Особенно много было дикого льна. Я помню, что некоторые полянки казались светло-голубыми, а не зелеными.

ДОКУМЕНТАРЬ

2. В ожидании лошадей.

Такие же луга, покрытые незабудками, красными лилиями и зарослями шиповника, были и на устье Алдана, где нам предстояло сойти с парохода и ждать лошадей.

Всех нас было семь человек—трое ссыльных, в том числе мой отец, один вольный человек — я, тринадцатилетний мальчонка—и трое конвойных. Лошадей на Верхоянской дороге держат немного, и их часто нехватает.

Жить на устье Алдана было бы чудесно, если бы не комары. От комаров у нас были сетки, но и сетки не спасали. Якуты, как я заметил, сеток почти никогда не одевают. Они предпочитают носить с собою особые махалки, сделанные из конского волоса, и обмахиваться от жестоких насекомых. Головы якуты—и мужчины и женщины—покрывают платками.

Жили мы в избушке, представляющей собою ¹⁸³простой сруб, ¹⁸⁴закиданный ¹⁸⁵сверху

землей. Самой интересной особенностью пристанской избы был якутский камелек. Якутский камелек делается из жердей, сходящихся кверху в узкую трубу. Жерди обмазываются глиной. В Верхоянске мне пришлось жить в юрте с таким камельком.

Живя на «станции», в ожидании лошадей, мы плавали к рыбаку. Якут рыбак жил во временной земляной юрте. Добывал он рыбу с помощью плетеной верши, называемой здесь мордой. Морды свои якут ставил в тихих озерах и протоках, заросших травой и водорослями.

Добывали якуты главным образом мелко-рослых линей, называемых здесь мунду, мундушкой. Пойманную рыбу якуты жарили на палочках или варили. В котел они бросали рыбу нечищенной. Нередко бросали живую мундушку.

Мы покупали рыбу у якутов, и это нам очень помогало, так как хлеб быстро начал портиться, а сушеное мясо и сухари надо было беречь на будущее. До Верхоянска нам предстоял тысячеверстный путь по глухой тайге.

Земляная юрта рыболовов.

Сидели как-то мы на берегу тихой протоки, и старый рыбак рассказал мне, что в старину якуты считали за большой срам ловить рыбу. Ловлей рыбы занимались только дети да больные люди.

ДОКУСФЕРА

Ловят рыбу (рисунок туземца).

— Раньше у якутов, — рассказывал он, — было много скота. Ловить рыбу сетями якуты за большой грех почитали. Сети служили для детских забав. И лодок до русских якуты не знали. Маленьким я от деда слышал, что когда якуты впервые уви-

дели людей, сидящих на воде (в лодке) и размахивающих лопатами (веслами), они очень удивились. Якуты подумали, что это колдовство.

ДОКУСФЕРА

Отец подтвердил мне, что он читал в книгах о том, что якуты до прихода русских не знали лодок. Единственным способом для переправ якутам служили плоты, связанные из бревен.

Охотой якуты занимаются так же не так охотно и не так умело, как тунгусы, живущие со своими оленями в глухих горах Якутии.

С наибольшей любовью якуты относятся к скоту, особенно же к лошадям.

Но об этом я расскажу в свое время, а пока пора трогаться нам в дальнейший путь.

Пришли лошади. Мы стали собирать свои вещи.

Помню, что отец протянул мне заплевывшую ковригу хлеба.

— Выброси,— сказал он мне.

— Отдай мне хлеб,—попросил мальчик якут.

— Хлеб для бедняков — лакомство,—сказал мне один из конвойных;— не посмотрят, что с плесенью,

Мы старательно раскладывали вещи по сумам. Надо было делать обе переметные суммы одинаково тяжелыми.

Завьючили лошадей и тронулись в путь.

ДОКУМЕНТАРИЙ

3. Верховом через горы.

Колесной дороги от устья Алдана до Верхоянска нет. Ехать надо узкой, болотистой тропой, часто теряющейся в травяных зарослях. Тропа эта вела нас с горы на гору, по дебрям Алданского хребта. Местность здесь настолько сырая, что болота встречаются не только в низинах, но и на вершинах гор. Между горами часто синеют озера. На пути встречаются горные реки и речки, настолько стремительные, что при переправах кружится голова.

Якутские верховые лошади идут сквозь болота и таежные дебри размеренным шагом. Вначале я боялся, дергал лошадь за повод, но скоро понял, что лошадям не следует мешать.

К Верхоянску ведут две дороги. Новая, более длинная, идет по «населенным» местам. Правда, и по новой дороге встречаются переходы верст по сто, когда на пути нель-

зя встретить даже простого балагана. Но в общем через каждые сорок верст устроены станции — избы с земляными крышами, наподобие Усть-Алданской.

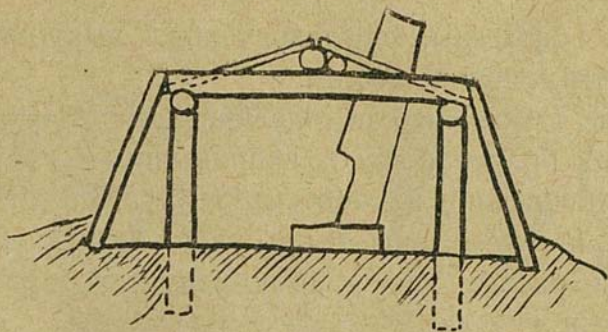
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ

Как только мы отделились от Лены в глубь тайги, мы перестали встречать избы с прямыми стенами. Станции были выстроены наподобие типичных якутских юрт, вернее, балаганов. Якутские зимние жилища (балаганы) строятся таким образом: в землю (по углам будущего балагана) вкапывается четыре бревна, наклонно друг к другу. В бревна врубают четыре поперечных балки. На эти балки сверху кладут крестообразно еще две балки, для крыши. К поперечным балкам наклонно приставляются стойки. Крыша и стены балагана обмазываются глиной и закидываются землей. Для прочности глину смешивают с коровьим пометом. Для большей теплоты нередко северную сторону балагана вкапывают в землю.

Пол в якутских балаганах земляной.

— Очень редко, только у зажиточных якутов, — говорил мне конвойный казак Михайлов, — можно встретить деревянный пол.

Разрез якутской юрты.

Для света в южной стене балагана про-
рубают окна. Окна эти очень невелики по
размеру — на севере берегут тепло. Обыч-
но окна достигают не более 25—30 санти-
метров.

Трудность перевозки товаров по якутским
дорогам делает оконное стекло в отдален-
ных углах предметом роскоши. Я помню,
что мне часто приходилось встречать в ок-
нах якутских юрт вместо стекла куски
слиуды или рыбий пузырь. В настоящее
время стекло развозят по всем глухим
уголкам страны.

В душные и грязные балаганы нас заго-
няли на ночевку комары. Измученные за
день их укусами, мы забирались в станци-

онные балаганы, предварительно выкурив насекомых едким дымом.

Я не скрою, что подчас мне было очень трудно: болели ноги от непривычно согнутого положения в коротких якутских стремянах и мучительны были укусы комаров. Я весь распух, но мало-по-малу тело привыкло к укусам.

Мне было и голодно, и мучительно, но я все переносил с веселым видом. Отец знал, что я креплюсь, но не мешал мне геройствовать.

По мере того как мы поднимались на Верхоянский хребет, природа становилась все более суровой. Сосны стали исчезать, а на смену им пришла лиственница. Часто стали попадаться низкорослые кедры и кустарниковые березки, а также целые поляны, затянутые мхами и лишайниками. Иногда мы вплотную подъезжали к ледникам. Я любовался голубым льдом, медленно подтаивающим и дающим начало озерам и горным потокам.

Обычно мы ехали в молчанье друг за другом и только изредка ямщик якут заводил песню.

Верхом через горы (рисунок туземца).

Я не понимал ни одного слова в его песнях и обращался к казаку Михайлову, знавшему по-якутски, с вопросом:

— О чем поет якут?

— А вот он поет, что едут русские; о том, что впереди нас горы, а вокруг высокие лиственницы.

Якуты часто поют именно так, сочиняя слова во время пения. Среди них есть певцы, которые сочиняют очень красивые и содержательные песни.

Когда мы достигли вершины перевала, наш якут ямщик, я помню, вырвал у лошади несколько волосков из хвоста и привязал пучок волос к деревянной загородке, которой был обнесен пограничный столб.

— Что это он делает?—спросил я казака.

— Он приносит жертву духу-покровителю горного перевала.

Отсюда начинался спуск в долину реки Яны. На нашем пути нам приходилось ур-
зять в топких болотах, бороться с комарами, страдать от дождей и туманов. ДОКУСФЕРА

Не скрою, что поездка меня утомила, и я был очень рад, когда мы оказались в долине реки Яны, где нам уже стали попадаться табуны низкорослых якутских лошадей, стада коров и летние стойбища якутов.

Лет тридцать тому назад якуты покидали летом свои зимние жилища — балаганы — и кочевали вместе со своими стадами в горных падах. Летом многие якуты жили в остроконечных шалашах, называемых урасами. В наши дни такие перекочевки встречаются реже. Остов якутской урасы состоит из длинных жердей, расходящихся внизу широким кругом, а вверху связанных в кольцо. Жерди покрываются берестой или шкурами.

Мы нередко заезжали по пути к якутам. Останавливались в их урасах. Пили чай, закусывали. Это дало мне возможность при-

глядеться ближе к быту и хозяйству якутов — самых северных скотоводов в мире.

4. Откуда пришли якуты на Лену.

ДОКУСФЕРА

Но прежде чем рассказать вам о том, как ведут свое скотоводческое хозяйство якуты, я хочу вам рассказать о прошлом якутов. Помню, как-то белой ночью старик якут рассказал мне старую легенду о приходе якутов с юга:

«Жил некогда далеко на юге человек сильный, господин богатый, по имени Джерун. Был у него сын Онохой — силач, вор, разбойник, про которого люди говорили: «алыс уон амбар алепъет, тогус уон киси олорбит» (восемьдесят амбаров ограбил, девяносто людей убил). Стяжал себе такую славу Онохой, что и до сих пор про удалого вора говорят: «молодец, как Онохой». Обижал Онохой сородичей. Не вытерпели они, решили отомстить Онохою. Услышал он про войско, собрал имущество, стада, жен, детей и бежал. Долго бежал, покуда не достиг реки, текущей на север. Это были истоки Лены. Построил Онохой два плота и поплыл вниз по Лене. Говорят еще,

что сам он поместился на одном плоту, а на другом чучел понаставил. Сам впереди поплыл, а плот с чучелами—сзади.

Добежала погоня за Онохоем до реки. Увидели стружки—догадались. Плоты срубили. Кинулись по реке. Бросились догонять плот с чучелами. Стали стрелять—люди не падают. Испугались преследователи и сказали: «Пускай бегут. Теперь не вернется».

Онохой доплыл до Итык-Хая (Почтенной горы), что находится к югу от Якутска. Вышел Онохой на берег. Видит на северной стороне места ровные, открытые. Остался Онохой жить. Скот на жирных лугах размножился. Богаче прежнего стали жить. Пришел как-то к Онохою незнакомец—великан.

— Кто ты такой?—спросил Онохой.

— А ты кто?

— Я Онохой.

— А я Эллей.

— Зачем сюда пришел?

— Бежать пришлось... Я восемьдесят амбаров взломал, девяносто человек убил.

— Вот человек, совсем как я, — обрадовался Онохой и позвал Эллея. — Давай вместе жить...

В доме Онохоя гуляли, ели, пили. Вместе охотились. Вздумал старик выдать за Эллея свою дочь красавицу Нуруядан. Нуруядан была очень красива, она никогда ничего не делала, разве что золотой иголкой и шелковыми нитками вышивала узоры. Но Эллей выбрал себе в жены другую дочь — некрасивую, но работающую — по имени Сыскей-Сысях — Растрепанную Косу.

Старик рассердился, назвал Эллея дураком и, дав ему доенную кобылу с жеребенком да пеструю корову, прогнал со двора.

Пошел Эллей с женой на север. Основался, огородился. Стал жить.

Зажили молодые в довольстве. А стариково хозяйство захирело. Нуруядан от зависти к сестре повесилась. И пошла слава про Эллея, что он кузнец, мастер хороший: топоры, ножи, котлы кует, берестяную посуду выделывает. Всякого гостя щедро кормит. И пошел народ к Эллею, а Онохоево становище запустело.

От Онохоя и пошли якуты...» кончил старик.

Я заинтересовался этим сказанием и рассказал его отцу. Отец раз'яснил мне, что

В этой сказке ясно указывается, что якуты представляют собою народ, пришедший с юга. Отец подтвердил, что это вполне соответствует правде. Ученым очень хорошо известно, что якуты родственны южным скотоводам и попали на холодную Лену в силу того, что из степей их вытеснили более сильные племена. Якуты пришли на Лену из южных степей.

— Не даром, — говорил отец, — якуты так любят в своих песнях петь про степи привольные. Спроси когда-нибудь Василия, что он скажет тебе на это...

Василий стал нашим попутчиком, и на другой день вечером я спросил старика.

— Правда, что якуты пришли с юга?

— Правда, правда, — сказал мне Василий. — Мы якуты — с юга. Жили мы когда-то в стране, где снег выпадал поздно, таял рано. Травы там росли высокие. Засухи были большие. А цветов было так много, что обувь пропитывалась цветочным медом. В том краю вода не иссякала, деревья не обваливались, журавли не улетали на зиму. Зимы не было. Край был вольный, хороший. Места в той стране красивые, поля чистые. Куда ни взгля-

нешь, всюду видно далеко. А теперь стали мы жить в лесу. Скота у нас стало меньше. От глубоких снегов скот отощал, ослабел. И стали якуты смердящими рыбаками.

ДОКУСФЕРА

На южной родине главным богатством якутов были табуны лошадей. Рогатого скота они держали мало. Лучшей пищей для якута была конина да пьянящий кумыс из кобыльего молока.

Лучшим другом степняка является лошадь. Не даром во всех сказках якутских рассказывается о любимых лошадях богатырей. Я помню также рисунок одного безграмотного якута. Он нарисовал поединок доброго духа со злым. Добрый дух сидел на белом статном коне, а злой — на быке.

Отсутствие на новой родине степных пастбищ вынудило якутов сократить свои табуны и заняться разведением рогатого скота. И хотя корова является сейчас главной опорой якута-скотовода, но якуты попрежнему с большей нежностью относятся к лошадям.

Помню, меня как-то очень удивили слова Василия. Перед нами на широком лугу паслись лошади и коровы.

С нежностью глядя на сивых лошадей (в Якутии почти все лошади белой масти), Василий говорил мне:

— Кони умны, как люди. Их нельзя обижать. Ты только посмотри, как они ходят по лугам. Они никогда зря, подобно коровам, не топчут, не разоряют копен. Лошади берегут человеческий труд.

В табуне лошадь и вправду очень умна.

По пути я, помню, любовался табунами якутских лошадей. Особенно интересны были жеребцы—вожаки табунов. Мне приходилось видеть, как вожаки полуодичавших табунов заботились об охране своего табуна.

Оскалив зубы, прижав уши, жеребцы мчались на воображаемых врагов. Они вступали в драку с чужими жеребцами, а, завидя нас, подбегали к нашему каравану и с настороженным видом провожали нас, куда мы не отъезжали на почтительное расстояние от их табуна.

5. Сенокос—Якутская страда.

Однажды мы проезжали сенокосными лугами. Косят якуты не литовками, а горбушами—особыми кривыми косами на корот-

— Почему якуты говорят, что будут голодать, если им нехватит сена?

— Якуты здешних мест питаются почти исключительно молочными продуктами. На семью якуты должны держать восемь-девять коров. А когда нет сена, нет и молока. Рыбы, говорят, в Яне очень мало. Рыбой здесь не прокормишься. Без молока якуту придется голодать. Зима здесь долгая — сена скоту надо заготовить очень много, а лето в Якутии очень короткое. Вот и бродят якуты-косцы со своими горбушами по сырым лугам, заготовляя сено...

Заготовка сена очень тяготит якутов. У них до сих пор живут предания о прежних временах, когда снега были мельче, и скот всю зиму ходил на подножном корму.

Конечно, воспоминание о неглубоком снежном покрове относится к тем местам, где обитали якуты в давние времена до ухода на Север. О южных степях они вспоминают с грустью.

Я помню, как ямщик рассказывал нам на ночлеге:

«Старинные якуты жизнь проводили больше в играх... Ходили со свадьбы на свадьбу;

любили песни, танцы, шаманов. Работали мало. Сена косили совсем немного. Рогатого скота не держали. В тяжелые годы, когда подножный корм был плох, пригоняли табуны к берегам рек, рубили тальник, или выгоняли скот на кочковатые места, разгребая снег лопатами. Тем и жил скот. Лишь бы пробиться до новой травы».

Снежные зимы были тяжелым несчастьем для якутов. Скот не в состоянии доставать траву из-под глубокого снега. В такие зимы скот ослабевал до такой степени, что коров, вытаскивая весной на траву, держали за уши, чтобы они стояли на ногах. Бывает и теперь так, если будет недостаток в сене.

— С лошадьми и в снежные зимы легче: они найдут себе хоть какой-нибудь корм — выскребут из-под снега или наломают с кустов, — говорил Михайлов, — лошадей мы редко кормим сеном...

Мало-по-малу суровая природа приучала якутов к заготовке сена. С приходом в Якутию русских якуты стали заготавливать все больше и больше сена.

Еще и теперь якуты предпочитают косить сено осенью, когда травы подсохнут и за-

грубеют на корню. Сырое якутское лето нередко губит рано скошенную траву. Только поздние травы удастся сберечь от порчи. Не даром якуты говорят, что в прежние времена они не сушили сена на лугу, а прямо собирали скошенную траву в кучи.

Якуты отлично понимают, что поздние травы—худой корм, но раньше мешают косить дожди.

Но мало-по-малу якуты переходят к сенокосу по образцу русских.

Однажды мое внимание привлекла группа якутов, старательно обламывающих приречные тальники. Ветки зеленого тальника якуты связывали в веники. Тальниковые веники заметывают обычно в стога с сеном. В стогах эти веники хорошо сохраняются и служат пищей скоту.

В прежние времена, когда сена косили меньше, тальник имел очень большое значение в хозяйстве.

Заготовка тальника бывает не только летом. В Верхоянске я видел, как якуты в конце зимы целые дни проводили у реки, заготавливая корм.

Так наши соседи каждые два дня отправлялись с санями на реку и там нарубали

груды тальниковых веток, весом пудов в двадцать-двадцать пять. Этого количества корма хватало скоту (у них было 9 штук коров) на два дня. Лежалый тальник (более двух дней) становится кислым и в пищу скоту непригоден. Работать зимой, в трескучие морозы, очень тяжело. Трудно достается якутам корм для скота.

Не даром якуты говорят, что «в сенокос день год кормит». Сенокос — самая горячая основная страда якутов-скотоводов. Сенокосение занимает в их труде первое место. Не даром якуты высоко ценят ловкого косца. Якут гордится большим стогом сена, и все почитают хорошего косца-хозяина. Многие проступки они готовы простить за ловкость на сенокосе.

Наш ямщик как-то при встрече попрекнул какого-то якута Егорку плутом. За обиженного вступились товарищи:

— Хоть он и плут, зато вдвоем с женой выкашивает десятину за день...

Так мало-по-малу я стал понимать, на чем держится хозяйство якутов.

В ВЕРХОЯНСКЕ.

И вот, мы достигли Верхоянска. Этот «городок», расположенный на берегу до-
вольно большой реки Яны, может похва-
статься только одним: в местности, где он
расположен, находится полюс холода. Нигде
в другом месте земного шара не бывает та-
ких холодов, как в Верхоянске.

Назвать этот поселок городом нельзя. Средняя деревенька наша выглядит гораздо лучше Верхоянска. За исключением пяти-шести домов: больницы, управы, школы, все остальные постройки представляют собою обычные якутские балаганы (юрты).

В одной из таких юрт мы останови-
лись.

Это было типичное якутское жилище с на-
клонными стенами, обмазанными глиной, с ка-
мельком и крошечными окошечками. В окнах
были рамы, застекленные мелкими осколками
стекла.

Самой неприятной особенностью этой юр-
ты, как и большинства якутских юрт, было
близкое соседство хотона, т.-е. коровника.
Лошадей своих якуты круглую зиму дер-

жат под открытым небом, но для коров сооружают хотоны.

Якутские хлевы до того низки, что даже я, тринадцатилетний мальчик, едва не подпираю потолок головой. ДОКУМЕНТАРЬ

Пол в хотонах бревенчатый. Под бревенчатым полом сделаны ямы, куда стекает моча.

В летнее время, когда мы приехали в Верхоянск, я мог только догадываться, насколько противно соседство хотона зимой. Летом хлева просушиваются и проветриваются. Зато зимой скот почти все время находится в хотоне. От ямы идет острый, противный запах. И я до сих пор помню, как пахло хотонной вонью от моих верхоянских товарищей-якутов, Павла и Митьки. Первое время мне было противно пить молоко, потому что и оно пахло хотоном. Потом привык.

Якуты не кладут в хотонах подстилки для скота. Поэтому шерсть за зиму у якутского скота вылезает. Скот ослабевает от скудного корма и от духоты хотонов. Ведь теснота в таком хлеву такая, что с трудом удастся пробраться между коровами.

Даже летом от хотона несет вонью, и смежная дверь из юрты в хотон доставляла нам много неприятного. А ведь многие якуты, ради сбережения тепла, не далают ни какой перегородки между своим жильем и хотоном.

Дня через три мы сняли одну из пустовавших юрт и зажили с отцом в новом месте.

Я стал поддерживать знакомство с Павлом и Митькой. Мальчишки постоянно охотились за евражками (сусликами особой породы), которых повсюду было очень много. Мои юные приятели были убеждены в том, что евражки, забираясь на зиму в норы, застывают там, превращаются в ледышку и так проводят зиму. Весной они оттаивают и снова начинают свою возню у своих нор.

Евражки бегают между домами из норы в нору, преследуемые только мальчишками. Собак в Верхоянске не было.

Я помню, это отсутствие собак меня удивило. Оказалось, что якуты из боязни извели всех собак.

— Кого же вы боялись?

— Красной женщины.

Якуты-школьники.

— Что такое - «красная женщина»? — спросил я Павла.

— Это оспа.

— Красная женщина, — вмешался Митька, — пришла от русских и теперь отыскивает якутские селения. Красная женщина хочет погубить всех якутов.

Я слышал от отца и раньше, что на севере, где не делают прививок оспы, целые семьи до сих пор вымирают от страшной болезни. Якуты по невежеству представляют себе оспу в виде красной женщины, бро-

дящей от селенья к селенью. Верхоянские жители извели собак, чтобы оспа не пришла к ним на собачий лай.

Многие юрты в городе в летнее время ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ пустовали, так как жители откочевали со стадами на летние пастбища. На сенокосных лугах шла самая главная якутская работа— заготовка сена на зиму.

О С Е Н Ь.

Не успел я приглядеться к Верхоянску и к его окрестностям в их летнем наряде, как наступила осень.

Четырнадцатого августа по новому стилю стукнул первый мороз.

Лиственница сразу стала желтеть. Мы стали ходить за брусникой. Из леса мы приходили, осыпанные лиственничной хвоей.

В сентябре выпал снег. Воздух сделался очень чистым. Слышались крики пролетающих гусиных стай.

Чтобы передать вам лучше то, что я тогда чувствовал, приведу одно стихотворение, которое недавно мне удалось прочитать:

Осень-старушонка
К юрте прибредет,
Сядет у порога,

Песню заведет.
Отлетели гуси,
Чайки, журавли
В летний край полдневной
Радостной земли.
Помертвеет тундра,
Запоет пурга.
Синие озера
Запушат снега.
День за днем темнее—
Умирает год.
Близок день, что солнце
Вовсе не взойдет.
А над мертвой тундрой
В сумраке ночном
Загорит сиянье
Призрачным венцом¹⁾).

Северные сиянья, хорошо видимые в Якутии, меня очень занимали. Жители Севера к ним привыкли и не особенно любят полыхание зеленых, оранжевых и белых огней в ночном небе. Но мне картины сияний доставляли большое удовольствие. Огни северного сияния горят то отдельными пучками, то светятся столбами, то полыхают лентами, охватывающими полнеба.

---

¹⁾ «Осень». Стих. Н. Леонова из книжки стихов «Про Север» (Гиз. 1928).

Блестят снега. Сверкают яркие звезды. Причудливо горят сполохи. Жестокий мороз до сорока-пятидесяти градусов. Захватывает дух. Но ветра нет. Тишина. Началась якутская зима.

В ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА.

В Верхоянске мы прожили целую зиму. Я никогда не забуду ясных, ярко-лунных ночей, когда самый свод неба кажется ледяным. Там настолько холодно, что лед смерзается до твердости камня; осколком льда легко можно порезать руку. Снег в Якутии редко падает хлопьями. Чаще всего он падает в виде ледяных иголок. Всюду все сковано.

Особенно поражали меня леса. Они стоят всю зиму, словно скованные снежными уборами. Природа Якутии зимой безмолвна.

В морозной тишине все звуки становятся гулкими. Лед на реке трескается с шумом, похожим на пушечные выстрелы. С гулом трескается от холода земля, и каждый звук поражает громкостью. Не даром целый месяц (примерно, февраль) якуты зовут «месяцем шумящего дятла». Каждый удар клювом

долбящей птицы по дереву гулко отдается в морозном воздухе.

Я помню, как мы, гуляя, слышали скрип саней. Нам показалось, что едут где-то близко. Оказалось, скрип саней доносится версты на две. Осыпаящийся наст и подтаивающие снежинки производят в поле постоянный шорох. Павлушка об этом шорохе как-то сказал мне, что «это шепчутся звезды».

Мороз нередко доходил до шестидесяти градусов. В такие дни нос бывает страшно высунуть. У нас с отцом было много дров, и наш камелек почти непрерывно топился. Трудно было только закрывать трубу—для этого надо было лазить на крышу юрты.

За водой в Верхоянске в зимнее время не ездят. «Воду» обычно привозят и складывают в виде кусков льда подле юрты. По мере надобности куски льда вносят в юрту. Тающий лед дает воду.

Многому мы научились у местных жителей.

Для тепла нам пришлось с наружи к окошечкам приморозить куски прозрачного льда. От этого в юрте стало еще темнее.

Но верхоянский зимний день вообще короток, и чуть ли не круглые сутки у нас в балагане горела керосиновая лампа.

У отца были книги. Он часто читал мне вслух. И мы вели бесконечные беседы о разных странах и людях. Делились друг с другом мы и впечатлениями о якутах. Часто отец мне рассказывал о ссыльных, живших в Верхоянске.

Помню я как-то услышал о ссыльном, жившем в Верхоянске, которого якуты называли ловким кузнецом или кузнецом Вацлавом.

— Кто этот Вацлав? — спросил я отца.

— Это — Вацлав Серошевский, — ответил мне отец. — Девятнадцати лет Серошевский был арестован в Варшаве за участие в социалистических кружках. Сидя в тюрьме, он выступил с протестом против тюремных властей и оказал им сопротивление. Он бросил в жандармов железной доской. Серошевского приговорили к каторге, но приговор смягчили, и юношу-поляка выслали в Верхоянск. Он пробовал отсюда бежать, но неудачно. Потом его перевели в Якутск. Серошевский написал большую хорошую книгу об якутах (отец мне указал на тол-

стую книгу в переплете). Он писал также рассказы и стал известным писателем... А вот среди местного населения Серошевский оставил по себе память как хороший кузнец.

ДОКУМЕНТАРЬ

Мнут кожу.

С того дня отец мне стал читать о якутах из книги Серошевского. Книга эта очень интересно написана и в то время была моей любимой книгой, хотя мне было и нелегко ее читать самому. Многие из того, что я здесь описал, взято мною у Серошевского.

Так проводили мы зиму в беседах.

Мало-по-малу мы познакомились с жителями Верхоянска и не только с ссыльными, но и с якутами. Особенно они любили меня, и мне всюду было легко проникать.

Больше всего мне нравились якутские вечеринки с пением.

Там слушал я сказки, песни, былины. В то время разговорный язык якутов я стал немного понимать, благодаря тесной дружбе с мальчиками-якутами. Но языка былин я совсем не понимал.

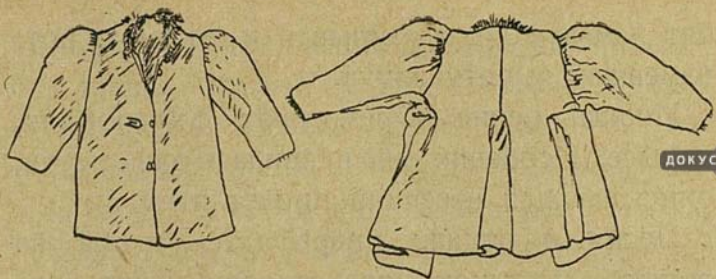
— Отчего это так? — спрашивал я старого Василия.

— Оттого, что язык былин особый. Мысль бывает с отзвуком, язык с украшениями.

Всего интереснее было слушать состязание певцов. Якуты очень любят такие песни, любят звучные голоса и красивые слова в песнях.

Особенно хорошо пел молодой якут Алексей. Про него говорили: «Хорошо поет Алексей, словно сердце вынимает». Мне тоже нравилось пение Алексея и широколицей доброй Катерины.

Якутский кафтан «сон».

Одну из песен, записанную Серошевым в его книге, я слышал из уст Катерины:

Уходящее время уменьшилось,
Восходящее время ушло,
Бегущее время промчалось,
Несомое время пронеслось,
Прожитое время простерлось...
Мать моя, ты остаешься, а я ухожу.
Отец мой остался, а я ведь ушла,
Меня взял юноша с Запада.

Пели Алексей и Катерина, как и все якуты, горлом.

Помимо песен, мне часто приходилось слышать игру якутов на хамысе. Хамыс состоит из продолговатой металлической рамки с пружиной посередине. Пружина, ударяемая по свободному концу пальцем, вздрагивает, издает особый звук. Якуты подно-

сят хамыс ко рту. Закрывая и открывая рот, изменяют высоту звука.

Иногда пение перемежают с игрой на хамысе. Особенно мне нравилась одна песня, описывающая весенний прилет птиц.

ДОКУСФЕРА

Песня о птицах прерывалась игрой на хамысе. Музыкой передавалось пение летающих птичьих стай.

Хором якуты пели очень редко.

Так проходили зимние дни и вечера.

Я много занимался под руководством отца. Я надеялся, что не отстал за зиму от своих товарищей.

Переписываться мне с ними было трудно, так как письма шли от Верхоянска до Москвы два-три месяца.

ЯКУТСКИЙ ШАМАН.

Отцу моему давно хотелось посмотреть, как творят заклинания якутские шаманы над больными. В книге у Серошевского было много рассказано о шаманах. Я внимательно перечитывал все то, что он писал о них.

Я знал не только из книг, но и по частым беседам, что якуты наличие болезней объясняют присутствием злого духа ера. По

суеверию якутов, человек, обладающий особой силой, шаман, может с помощью особых обрядов изгнать ера из больного.

Однажды моему отцу удалось побывать в якутской юрте и видеть шамана.

Вышло это случайно. Я был где-то в гостях, слушал былины о богатырях (олонга), в то время как приехали за отцом из юрт, отстоящих от Верхоянска верстах в двадцати. Пригласили смотреть шамана.

Отец возвратился домой только к утру и по возвращении рассказал мне все, что ему пришлось там видеть. Тогда я не записал того, что он рассказывал. Чтобы не ошибиться в описании шаманского обряда, приведу вам чужой рассказ¹⁾, очень близкий к тому, что рассказывал мне отец.

Как только шаман пришел в юрту, его посадили на почетное место, на нары. Он сидел и ждал ночи. Только тогда, думают якуты, возможно шаманить. Хозяева в это время готовили все необходимое к шаманству: они варили ужин, подметали пол, кололи дрова и лучину, расстилали кобылью

---

1) К. Сергеевой, составленный по Серошевскому.

кожу посередине юрты. Между тем в юрте наступили сумерки. Народ собрался. Он уже заранее знал о предстоящем интересном зрелище. Мужчины чинно расселись вдоль стен по правой стороне, женщины—по левой стороне. В юрте становилось все темнее и темнее. Только редкие вспышки потухающего огня иногда освещали юрту и позволяли видеть, что делает шаман. Он сидел, понуря голову, распускал свои косички и изредка издавал неопределенные звуки, похожие на икоту; глаза его были устремлены в одну точку. Но вот в темноте сверкнула еще одна последняя искра, и огонь замер. Кругом водворилась глубокая тишина. Все с напряженным вниманием следили за действиями шамана. Шаман в это время снял свою рубаху и надел особый, так называемый волшебный кафтан. Затем он закурил трубку и с жадностью начал глотать дым; икота у него усилилась; глаза смотрели дико. Спустя некоторое время он отыскал свой бубен и быстро вышел на середину юрты, где ему заранее подстлали кобылью кожу. Приседая на правое колено, он поклонился на все четыре стороны и обрызгал при этом кругом водой.

После этого он сел на кожу. Теперь в юрте среди тьмы слышно было только непонятное бормотанье, иканье шамана да тихое позвякивание бубна. Эти звуки скоро тоже замолкли, но не надолго. Спустя минуту вдруг в глубине юрты послышался как бы жалобный крик чайки или резкий голос сокола, потом как бы засвистали кулички, закаркали вороны, затрещали сороки... А вот слышались голоса и других птиц... Это шаман пел на разные голоса... При этом он ударял в бубен. Но все мало-по-малу начало затихать; звуки становились слабее и слабее... Еще два удара в бубен—и в юрте водворилась опять мертвая тишина...

Этот прием повторялся несколько раз. Затем удары в бубен и песня шамана сделались более спокойными, ровными. Можно еще было различить слова песни шамана: он призывал на помощь себе своих духов-покровителей.

Когда шаману показалось, что духи-покровители явились к нему, он поднялся с кожи и начал подпрыгивать, кружиться и бить в бубен. Вначале он делал это вяло, как бы нехотя. Затем движения его станови-

лись все быстрее и быстрее; удары по бубну — чаще и сильнее. Наконец, он начал бешено скакать. Эта дикая пляска продолжалась долго. Когда шаман кончил ее, он приплясывая и ударяя в бубен, с песнями подошел к больному. Бормоча заклинания, он приложил свой рот к больному месту и начал высасывать духа. Затем он вышел на середину юрты и после новых заклинаний выплюнул духа изо рта и пинками выпроводил его за дверь.

После этого он вернулся в юрту, осмотрел все углы ее, не запрятались ли там еще кой-какие злые духи, и объявил хозяевам, какую они должны принести жертву за исцеление больного. Шаман сел на кожу. Присутствующие перенесли его на ней на почетное место, где он и остался отдыхать.

НАСТУПЛЕНИЕ ВЕСНЫ. КОЧЕВКА.

Якуты говорят:

— Мороз точно бык. Два у него рога — один лопается в начале марта, другой — в апреле, а в половине мая и все тело опадает.

Из этой фразы мы видим, что зима, мороз представляются якутам в виде быка,

бодливого жгучими холодами в декабре—
феврале, ломающего один рог—в марте, дру-
гой—в апреле.

На медведя (рисунок туземных ребятишек).

В марте по всей Якутии начинаются ме-
тели. Сухой снег, взметаемый ветром, летит
густой массой. В такие метели легко поте-
рять дорогу не только в поле, но и между
юртами в поселке.

Если пурга застанет в пути, то прихо-
дится отлеживаться под шкурами, покуда
она не стихнет. Едущим на собаках прихо-
дится вылезать время от времени из-под
шкур, будить собак, чтобы они, задремав,
не замерзли, отряхивать их от снега и кор-
мить. Покормив собак, забираться под шку-
ры, пока не прекратится пурга. Ездить на соба-
ках мне не приходилось, но я помню рас-

сказ одного ссыльного, который пробирался с севера через Верхоянск в Якутск.

Во время «весенних» метелей надувает огромные сугробы, и снежное поле покрывается глубокими застругами. Солнце с марта начинает греть. И я помню такие дни, когда на солнце термометр показывал + 5, а ночью падал снова до 60. С трудом весна одолевает якутскую зиму. «Медленно опадает тело безрогого быка», скажут якуты.

Весна начинается с первым теплым ветром. Ясное зимой якутское небо покрывается тучами, становится сразу теплее.

Первого мая еще лежал снег в нетронутой белизне, а с половины мая стало теплее — прилетело множество птиц, особенно гусей. То и дело раздавались выстрелы охотников. Якуты оживились.

Из весенних впечатлений мне хотелось бы рассказать о летней кочевке якутов.

Якуты, когда-то бывшие степными коневодами, придя в суровую страну, сохранили привычку с наступлением теплого времени покидать свои зимние жилища. Они открывают двери загрязненных хотонов, выгоняют ослабевший, исхудавший за зиму скот на

весенние пастбища и передвигаются со своими стадами в поисках лучших кормов.

— Старинные якуты имели дома во многих местах, — говорят старики в Якутии. — Старинные якуты любили бродить. Работать мало работали, сена не заготавливали, а бродили с места на место, отыскивая корм для табунов... ДОКУСФЕРА

Но мало-по-малу становилось теснее. Лошади очень разборчивы в корме, и там, где прокормится десять лошадей, легко можно прокормить 25—30 штук рогатого скота.

И вот якуты мало-по-малу стали сокращать свои конные табуны и заменять лошадей коровами. Вместе с этим сократились перекочевки. Передвижения якутов стеснены теперь запасами сена. Якуты и до сих пор еще иногда перегоняют стада от остожья к остожью, вместо того, чтобы возить сено к юртам.

Кочевника - якута в его перекочевках стесняет необходимость иметь хлевы (хотоны) для рогатого скота. В прежнее время табуны бродили круглый год под открытым небом на подножном корму.

В настоящее время якутские перекочевки сводятся к двум переездам. В зимнее время якуты живут в усадьбах-зимниках, устроен-

ных вблизи сенокосных лугов. На летнее время они уходят со своими стадами в горы.

В конце апреля якуты уже начинают ездить на «летники», отгребают снег, поправляют жилища; по последнему зимнему пути перевозят на летние стойбища запасы сена для стельных коров и тяжелые вещи. А как только стает снег, население поднимается кочевать со своими стадами.

Впереди обоза идут обычно гурты скота. За скотом едут люди на быках—или верхом, или на санях. (Очень редко можно встретить у якутов телегу—и то на юге.) На санях везут домашнюю утварь, детей и новорожденных телят. О телятах якуты очень заботятся, укладывая их в корзины, устланные сеном. Позади обоза гонят лошадей. Обычно для перекочевки выбирают солнечные дни. Люди радуются переходу из зимних душных жилищ на летние пастбища, где многие из них, вместо балаганов—юрт, раскинут остроконечные шалаши—урасы, покрытые берестой. В летниках живут тунгусы до конца сенокоса.

О любви к перекочевкам интересно еще будет прибавить, что в тех районах, где

удалось выбраться из глухой ссылки на Лену.

СОВРЕМЕННАЯ ЯКУТИЯ.

ДОКУСФЕРА

Я был в Якутии, в глухой стране, в стране ссылки. Бесправными были и русские, которых ссылало правительство в таежные дебри, бесправны были и двести пятьдесят тысяч якутов, обитателей суровой страны. Казалось, студеная зима навсегда положила предел проявлениям жизни на холодной окраине. С тех пор прошло десять лет, и холодная Якутская область, лежащая в соседстве с «полюсом холода», стала Автономной Якутской республикой.

Самые северные скотоводы в мире—якуты—стали хозяевами своей обширной страны. Холодна и малолюдна Якутия, но она таит в своих недрах огромные богатства.

Часть этих богатств уже открыта. В начале своего путешествия я упоминал о золотых приисках Алдана.

На золотых россыпях Алданского района ежегодно добывается около пятисот пудов золота. Для добычи организован государственный трест «Алданзолото». Наличие

алданского золота весьма помогает бедной и пока еще маломощной молодой республике.

У якутов много энергии, и они крепко ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ СЕРИАЛ хотят использовать те спящие богатства, о которых пока еще нет точных сведений.

Благодаря энергии якутского правительства, удалось организовать особую якутскую экспедицию от Всесоюзной Академии Наук для всестороннего обследования Якутии. Эта экспедиция работает уже несколько лет, и все яснее и отчетливее становится тот путь, которым должна идти Якутия.

Главнейшая слабость якутов в том, что их очень мало для освоения огромной страны. Не даром в представлении якутов многолюдность земли характеризуется фразой: «куда ни повернешь лицо, всюду увидишь дымок жилища».

Второй бедой якутов является их культурная отсталость. И якуты энергично борются с неграмотностью населения. Число школ в настоящее время увеличилось против 1912 года, когда я был с отцом в Якутии, более чем в два раза. Растет грамотное молодое поколение якутов.

Третьей бедой Якутии является ее почти полное бездорожье при огромных расстояниях, которые приходится одолевать. Но и здесь есть достижения, правда, еще очень маленькие.

ДОКУСФЕРА

В 1927 году якуты впервые могли полюбоваться необычайным зрелищем: от Ледовитого моря, от устьев Лены, через всю Якутию, с севера на юг, пролетели два гидроплана.

Гидроплан перед взлетом.

Вот как об этом писалось в газете «Автономная Якутия»:

«На днях в Якутске будут аэропланы. Через воды Северного Ледовитого океана идет из Владивостока пароход «Колыма».

Пароход вышел из порта Владивостока 20 июня и два месяца борется с суровой стихией океана, то попадая в туманы, то затираясь плавающими льдинами.

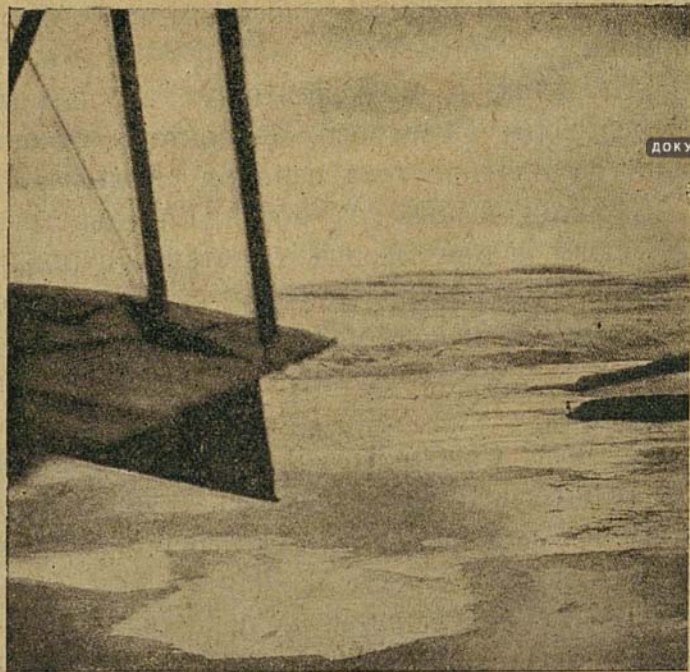
Пароход выехал с экспедицией на остров Врангеля.

До мыса Северного (ближайший к острову Врангеля пункт на северном побережье Сибири) пароход шел с двумя гидросамолетами и авиалодками на бортах.

С мыса на самолетах и авиалодках экспедиция была доставлена на остров, где живут советские колонисты, отрезанные от мира почти круглый год льдами.

С экспедицией к ним отправлено продовольствие, медикаменты, товары, газеты и литература.

После этого пароход с большими трудностями, производя разведки с помощью самолетов, прошел все побережье Якутии до устья Лены. На «Колыме» для северных отде-

Над льдами полярного моря.

лений Якутторга идет много различных товаров, среди которых большое количество продуктов питания (крупчатки, разных сортов муки, риса, чаю, сахару, масла, галет и т. п.). Кроме того, идут керосин, бензин, газолин, свечи, рыболовные и охотничьи принадлежности, порох, дробь, обувь, табак

и мануфактура. Идет также небольшое количество железа.

Все эти товары будут распределены по северному побережью и в районе рыбных промыслов. ДОКУСФЕРА

Теперь «Колыма» уже у устья Лены.

На днях к нам в Якутск ожидаются два гидросамолета, которые полетят в верх по Лене до Иркутска.

Скоро будем встречать летчиков, пробившихся через туманы океана с большим мужеством и самоотверженностью».

А на следующий день газета уже оповещала жителей Якутска:

«Прилетели аэропланы... Сразу, вдруг...

Шум пропеллера и блеск крыльев на солнце.

Первым прилетел Юнкерс. Несколько кругов над Якутском, снижение и брызги на Лене от плавников. За ним следом другой. Якутяне бегут к пристани, задирая головы кверху.

Аэропланы, аэропланы...

Наконец-то...

Через несколько минут берег усыпан народом. Летчики, оглушенные пропеллером, молча улыбаются якутянам.

Устроили митинг, на котором выступали председатель якутского совнаркома т. Аммосов и начальник воздушной экспедиции т. Красинский.

ДОКУМЕНТАРЬ

— Это первая большая экспедиция, организованная на гидросамолетах через громадные и неизвестные воды Северного Ледовитого океана, — говорил Красинский. — Из Владивостока через Ледовитый океан к устью Лены и дальше через Якутск в верх по Лене до Иркутска — таков наш маршрут. Путь трудный, сопряженный с громадными опасностями. Но на три четверти он уже выполнен. Наша воздушная экспедиция была связана с пароходом «Колымой», совершавшим морской рейс от Владивостока до устьев Лены с целью установить твердую связь портов Дальнего Востока с портом северного побережья Якутской республики».

Так впервые над холодной Якутией про шумел пропеллер. Вслед за первыми прилетят вторые, третьи. И мало-по-малу Якутия теснее вовлечется в хозяйственную жизнь СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКУСФЕРА

	<i>Стр.</i>
За отцом в Якутию	3
К полюсу холода	11
Вниз по Лене	11
В ожидании лошадей	14
Верхом через горы	19
Откуда пришли якуты на Лену	25
Сенокос—якутская страда	30
В Верхоянске	36
Осень	40
В зимние вечера	42
Якутский шаман	48
Наступление весны. Кочевка	52
Современная Якутия	58

Цена 25 коп.

р

41587

ДОКУСФЕРА

